

Если душа родилась крылатой

Тверской вечер-вечерки Ярославского государственного университета Надежды Палорской вносила в городскую Германиескую библиотеку. Устроительница встречи, бесноватый куратор читательского клуба Германосович делится своим мыслями в стихах молодой поэтессы.

В тот вечер мы смогли почувствовать, что воздух и природа идет от одного первоначала: чистый белый снег, уходящий землю, и чистый белый галос Нади в нашем зале разделены были всего-навсего оконным стеклом.

Поэзия Палорской так же естественна, беззащитна и внутренне сильна, как и любое явление нашей северной природы. Ее стихи никогда не демонстрируют себя. Загроузу какому-то непостижимо верные образцы самую гитару, чуткие струны в душе читателя, они в отзвуке этой струны как бы откликают, растворяются в воздухе, поднимаются к небу: «Вой гиты в таковой дали. / Стны тонко-понко плывут гтицам. / М блик страшное змала. / Трудт в небесные спандца. / Пусть

слзы падает в траву — / На быстрый ветер змоя, збушат. / Нам снится жизнь, но навуш / Пилнда спадает наш душат.

В поэзии Надежды живет один постоянный образ, видимо, наиболее родственный ей душе. Это образ птиц. «Если душа родилась крылатой...» — эти слова Марины Цветаевой, наверно, и о ней, Наде Палорской. Но как сложно вот тонкие, но прочные нити любви, кажутся, контрадним удерживают гтиду на земле.

В другом ее стихотворении есть такая удивительная строка: «Если ты можешь лететь, то не даятайся!» — Как безнадёжно тепло в этой команде — / Это змерженные родные тепло. / Там вст и кончался. / Понита, помнит?» — / Спрашивать, глядя в стекло. / Если ты можешь летать, то не даятайся. / Знаю, сейчас кокает небо змол. / Строны света. Но пасмурный выдался. / Вечер, унытый в росе. / Все это может пропасть и не встретиться. / И не прояснится — лишь, даять отворе. / Здесь замирает мой голос. Но светилка. / Те гедда — полоска зари.

О зной трелетной любовью

ки всему, что дано судьбой, сказано, и ещё одно замечательное свойство поэзии Надежды Палорской. Писала бы это словами философа, врача и поддвизника Альберста Швейцера: «Благословение перед жизнью». И защита жизни. Защита именно человеческой, назидательная, но не колембика. «В этом мире прекрасном, в прекрасной плуши. / Каждый тонкий росток велик — лишь Надежда. А в другом стихе читаем о том, как «Большого голубя в бумажную коробочку остановки сплетали ребята. / Им было жалко, что излететь, большую плушу. / Не так легко, что жизнь непоправима. / Южда в коробке дольше-часа не продлится. / Глядя в сторону промнется мимо».

И вот пролетела зима, и мы волею автора снова скрываемся «В том месте, где прощальным следом / Теньки Лалки. / Два встеровилим прогорино светан. / Эта маленькая голубиная знь — но вст ведь колуцала она гедда своим «прощальным следом». Это не сентиментальность — пронзительная человечность.

В одном из своих лучших стихотворений Надежда поднимается до просветлённого понимания своей судьбы и своего поэтического предназначения: «... Ты кутаешься в мужскую без сна. / Дрожишь от ветра, плышишь, улыбаешься. / Теньку свободной, сплетанной под кров. / Схворенника... М горестной судьба есть. / М радостной судьба на свете есть. / М змаша, и светлее... но никак. / А мой, что здесь — тебе от Бога вест. / Любимый праздник и печаль земная».

И эти строки, написанные в редкой для молодой поэзии мудрости, и многие другие — тонкие, музыкальные, простые и светлые — просовуали в исполнении автора в зале библиотеки. Вместе с ней выступала поэтесса из Рыбинска, родного её города, Галина Лулинкина. Просовуали под гитару авторские песни как на её собственные стихи, так и на стихи главной героини вечера — слушатели проводили подругу аплодисментами похвалы и благодарности.

Юлия ШОУВАТЕР